

УДК 82

**МАРГИНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В РОМАНЕ С КЛЮЧОМ
«ПЯТАЯ ЗИМА МАГНЕТИЗЁРА» П.У. ЭНКВИСТА**

© 2014 г.

Д.В. Кобленкова

Нижегородский госуниверситет им Н.И. Лобачевского

dvmk@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.11.2013

Шведская проза 60-х годов XX века остро реагировала на складывающуюся в стране социальную систему. Антитезу новой идеологии авторы ищут в эпохе барокко, в «авантюрной» истории Франции, Австрии, Германии. В статье рассматриваются жанровые признаки романа П.У. Энквиста, работавшего с элементами постмодернистского исторического романа, пикарескной прозы, романа испытания и романа с ключом. Проза Энквиста анализируется во взаимосвязи с социальными и психологическими проблемами, актуальными для шведской литературы.

Ключевые слова: шведская проза, исторический роман, постмодернизм, пикареск, роман испытания, роман с ключом, маргинальность.

Одной из культурно-исторических эпох, к которым проявляли интерес шведские писатели 60-х годов XX века, являлся XVIII век. В подобном интересе писателей к литературе не прошлого, а позапрошлого для них столетия можно усмотреть доказательство идеи Ю. Тынянова: писатели «оборачиваются» не на предшествующую традицию, которую продолжают или с которой напрямую полемизируют, а на предшествующую ей, т.е. с интервалом не в одно, а в два столетия [1].

Шведский писатель Пер Улов Энквист (Per Olov Enquist, р. 1934) в интервью подтвердил, что как писатель он любит «прятаться» в эпохе XVIII столетия [2]. Но интересуют его, очевидно, не только яркие «декорации», но и типологически близкие XX столетию явления или, напротив, события, контрастирующие с ними и поданные автором как положительная антитеза сложившейся в Швеции ситуации. Не случайно ещё в 1946 году один из персонажей А. Линдгрена в повести о Калле Блюмквисте иронически заметил: «У нас в стране человеку некуда податься, всё топчется на месте» [3, с. 20].

Для шведских литературоведов и читателей ранний Энквист, прежде всего, «документалист». В Швеции документальная литература приобрела «элитарный» статус в 50–60-е годы XX века, в эпоху власти «документа». Авангардные декларации о разрыве с беллетристической отражали стремление порвать с фальшью в искусстве, это был период усиления социальной и политической активности. Интерес к документальным жанрам в Швеции связан, прежде всего, с воздействием французского авангарда. Но и внутренняя ситуация в стране диктовала смену литературных приоритетов. Там шли ак-

тивные процессы реформирования социальной системы, развивался «народный капитализм» [4, с. 17], превративший Швецию в самое благополучное государство мира. Как любая система, «шведская модель» имела не только положительные стороны. Известный историк Р. Тоштендаль писал, что выдвигались «настойчивые аргументы против социальной политики из-за опасности бюрократизации, паралича индивидуальной инициативы, её якобы бездушия и стремления к опекунству и прочего зла, связанного с этой политикой» [4, с. 23]. Для интеллигенции одной из острых проблем была регламентированность жизни каждого шведа, которого государство контролировало на всех этапах жизни. В понимании писателей социальная поддержка оборачивалась ущемлением личной свободы, нивелированием права на маргинальную, внесистемную позицию. Психологический кризис в обществе отразился в литературе: стала ощущаться тоска по сильным, пассионарным фигурам, которые писатели активно искали в историческом прошлом: Чингис-хан, Фридрих Великий, Карл XII. «Чистая» документалистика потребовала вымысла для заострения спорных социальных и этических вопросов. Авторы стали работать в области трансформации документальной прозы и жанра исторического романа. А. Лундквист, С. Дельбланк, П.К. Ершилд, И. Лу-Йоханссон и П.У. Энквист отразили идейные противоречия времени в полемических романах с широкой жанровой палитрой: от антиутопии и романа-пикареска до «интеллектуального» путешествия и пастиш-романа [5, 6].

Пер Улов Энквист одним из первых проникся симпатией к идее субъективного прочтения

«документа», а впоследствии и к субъективности исторической истины. Свой первый опыт в этой области – роман «Гесс» – автор назвал метароманом и охарактеризовал как «textmobil», т.е. произведение с подвижной, хаотичной композицией. В 1964 году в интервью журналу «Слово и изображение» он говорил о стремлении сделать читателя соучастником создания текста. Свободное расположение частей, по его убеждению, должно позволить читателю обнаружить едва уловимые связи и выстроить свой собственный «узор» [6, s. 412].

Именно Энквист издавал романы, в которых реальные факты и исторические деятели становились лишь «материалом», с помощью которого писатель выстраивал свою версию событий. Из двух типов исторического повествования – об эпохе и о человеке – Энквист предпочёл второй, моноцентричный, так как ему был интересен человек – носитель определённой идеологии. Писатель комбинировал факты, включал в сюжет вымышленные эпизоды, менял эпический стиль на лирический. Подход Энквиста к трактовке исторических событий позволяет многим исследователям видеть в писателе постмодерниста, однако его романы не лишены вполне классического этического содержания, что заставляет усомниться в его принадлежности к этому направлению. Сам автор не считает себя постмодернистским писателем, хорошо осознавая, что постмодернизм в Швеции не приветствуется и почётнее быть историком, модернизовавшим каноническую форму, чем деконструктором, творчество которого вторично по отношению к американским классикам постмодерна.

Судьба романов Энквиста различна: наиболее искренний и сильный в художественном отношении роман «Библиотека капитана Немо» остался почти незамеченным, в то время как за ряд других произведений писатель был удостоен литературных премий. Многие из этих романов не лишены черт исторического кича. «Исторический кич, как и политический, игнорирует особенности эпохи и человека» [7], т.е. автор работает с набором стереотипов, создавая беллетристическую стилизацию. Помимо этого, литература кича делает ставку на маргинального героя и исключительную ситуацию. В этом предпочтении Энквиста, как и большого круга писателей до и после него, отражается влияние французского и немецкого романов барокко. В них писатели ищут неординарных героев, контрастирующих с представителями шведского общества эпохи «государственного соучастия». Из многообразных явлений жизни Энквиста преимущественно интересуют крайние формы

маргинальности: его увлекают лишь патологические случаи, характерные, скорее, для чёрного рококо и «неистового» романтизма.

Степень исключительности героев в его прозе различна, но в большинстве есть признаки душевной болезни, нарушение генетического кода, превратившего человека в гения или физического/умственного инвалида. Каждый персонаж – вне нормы. Внутренний мир таких героев никем не познан, не ясны причины их психических или физических отклонений. Они остаются загадкой для рационального века, для «системного» шведского общества, что и мотивирует подобный выбор писателя.

В стилистическом отношении романам Энквиста свойственны фрагментарная форма («свободная композиция»), открытые антитезы и гипертрофированный лирический пафос. На этом этапе шведскую прозу захватывают общие для европейской литературы тенденции: то, как сделано, становится важнее того, что сделано. Однако, несмотря на увлечение стилем, Энквист на протяжении всего творчества актуализировал несколько ключевых тем. Важнейшими из них являются роль личности в истории, тема избранности, права на изменение мирового порядка. Основные сферы, в которых он искал ответы на свои вопросы, – политика и спорт [5, 6, 8, 9, 10]. Семантические «полюса», вокруг которых выстраивается его художественный мир, – разум и мистика, предательство и подвиг, слава и позор, смерть и жизнь, болезнь и здоровье, гениальность и умственное бессилие, изысканная красота и гиперболизированное уродство. Большой интерес Энквист проявлял к теории психоанализа. Ему принадлежит психоаналитическое предисловие к сказке Г.Х. Андерсена «Гадкий утёнок» [11], которая была выбрана им не случайно: герой сказки – изблуженный Энквистом тип гениального маргинала, не признанного толпой, но способного в будущем возвыситься над ней. Часть текстов самого Энквиста интерпретируется с тех же психоаналитических позиций [12].

Наиболее значительным ранним романом Энквиста является «Пятая зима магнетизёра» (*Magnetisörens femte vinter*, 1964) [13, 14]. Несмотря на значение этого романа для эпохи 60-х годов XX века, в том числе в контексте зарождающегося интереса к постмодернизму, он почти не исследован. Отчасти по причине того, что для Швеции такая романная форма была нова и к тексту не удавалось найти универсального подхода. Другой причиной можно считать незначительный интерес шведских исследователей к поэтике произведений, так как литературоведение в Швеции анализирует по

преимуществу этический смысл создаваемых текстов. Кроме того, роман Энkvиста был остро полемическим, критиковал пассивность шведского образа жизни, поэтому о нём предпочли писать коротко или не писать вовсе. Всё это говорит о том, что роман Энkvиста как раз одно из незаурядных шведских произведений, предопределивших целый ряд творческих стратегий в стране во второй половине XX века. Роман отражает литературную ситуацию и демонстрирует типологическое сходство с целым рядом лучших образцов шведской прозы авангардного времени.

Главным героем романа становится Фридрих Мейснер, который сначала воспринимается как вымышленный персонаж, но затем автор объявляет, что под этим именем изображается знаменитый гипнотизёр Ф.А. Месмер, разрушивший традиционное представление о материи и человеческих возможностях, основоположник «животного магнетизма». «Месмер считал, что планеты действуют на человека посредством особой магнитной силы и человек, овладевший этой силой, способен излучать её на др. людей, благотворно действуя на течение всех заболеваний» [15]. Идея Месмера о возможности управлять человеческой психикой с помощью гипноза, природа которого не ясна, оказала большое влияние на романтиков, особенно на Э.Т. А. Гофмана и Э.А. По.

Фактически всё произведение выстраивается как исторический роман с ключом. Такая жанровая разновидность предполагает знакомство автора с героями его книги или изображение его самого под одной из литературных масок [16]. У Энkvиста мы можем наблюдать третий тип этой романной формы, для которого характерна значительная историческая удалённость от объекта изображения. Энkvист пользуется приёмом литературной маски, но нарушает канон: он называет имя своего героя, настаивая при этом, что лишь «некоторыми деталями сходен герой с Францем Антоном Месмером» [14, с. 279–280].

Автор стремится оставить за собой статус документалиста и историка, но одновременно пробует себя в новой роли беллетриста и постмодерниста. «Пятая зима магнетизёра» отражает первые шаги в сторону постмодернистского повествования. В нём представлена субъективная версия жизни исторического лица, позволяющая поставить вопрос о правде и иллюзии, о релятивизме исторических оценок.

В нарративном плане текст Энkvиста выстраивается как столкновение двух «голосов»: «всезнающего рассказчика» и второстепенного героя Клауса Зелингера, оказавшегося волею обстоятельств рядом с великим гипнотизёром.

Рассказчик повествует о летних приключениях Мейснера 1793 года, Зелингер, в свою очередь, в форме «записок» отражает его «зиму». Контраст зимы и лета, часто встречающийся в шведских произведениях, можно воспринимать как рецепцию «Снежной королевы» Андерсена, ставшей пратекстом для большого пласта литературных и интермедийных произведений. Зима является мистическим периодом, открывающим тайные стороны жизни. Образы снега, холода, льда символизируют потерю, поиск и обретение личной идентичности. Зимой Кай теряет связь с земной жизнью и перемещается в inferнальное царство Снежной королевы, обнаруживая своё второе, тёмное начало. Зимой же он возвращается к своей идентичности, после чего тают льды и наступает лето. Зима магнетизёра – мистическое время его власти над людьми, это время познания, время ответов на сложные вопросы человеческой психологии.

В жанровом отношении роман по-шведски многопланов: прежде всего, он обладает ложным детективным началом, так как загадка Мейснера, степень его способностей, остаются неразгаданными. Сохраняются в романе и черты романа-пикареска [17], присущие целому ряду шведских произведений 60-х годов: Мейснер воспринимается здесь как герой-пикаро, т. е. человек без положения, совершающий авантюрные поступки во имя личных интересов. Как и классический пикаро, он не лишён обаяния, ума, индивидуалистической философской позиции. Он обладает сверхспособностями, обеспечивающими ему успех, поэтому весь путь Мейснера – это «гастроли», состоящие из нескольких этапов: завоевания доверия, проведения сеансов, обретения славы, разоблачения и бегства. Но это и психологический роман о тайнах внутреннего мира уникальной личности. Роман может претендовать и на философскую доминанту, так как за сюжетными перипетиями стоят онтологические вопросы. Однако при всём этом роман прежде всего социален, поскольку его конечная цель состоит в изображении общества, поддавшегося искушению, обнаружившего психологическую уязвимость.

Мейснер сразу заявлен как индивидуалист, претендующий на роль сверхчеловека. Обладание тайным знанием и презрение к людям сближают героя с персонажами «Фауста». Окружающие для Мейснера остаются низкой человеческой материей, а сеансы магнетизма названы «гастролями среди свиней» [14, с. 13]: «Я их веду, думал он, полный сознания собственной силы» [14, с. 45].

Но всякий индивидуализм двунаправлен: если герой с ненавистью смотрит вниз на обыч-

ных людей, то с той же неприязнью он смотрит вверх, так как причина его конфликта с людьми, так называемый очаг возбуждения – это его собственное место на вершине мировой пирамиды и непризнание над собой ничьей, в том числе Высшей, воли. Ради этого он и достигает невозможного.

У героя Энквиста богоборчество носит индивидуалистический характер. Его усиливает ироничный голос автора: «Он предоставил им сделать выбор между ним и Богом, и поскольку Господь Бог явно предпочитал дохлых свиней живым, выбрать оказалось легко» [14, с. 20]. Однако исключительность Мейснера особого толка. Он мистик, чувствующий, что прикасается «к флюиду мироздания»: «И вот он снова сжимает в руках магнит и с его помощью намерен преобразить мир» [14, с. 61]. Личность, способная определять жизнь других людей, не терпит «жизненных пауз» [14, с. 59].

Концепция образа такого типа далеко не однозначна. Энквист осознаёт, что такие люди стремятся к абсолютной власти; они опасны. В то же время им суждено быть разрушителями стереотипов, вести общество вперёд. В этом заключается противоречивость маргиналов. Романтическая симпатия автора к исключительной личности высказывается в размышлении об уникальности, о том, как трудно быть другим, вне системы, которая установлена полицейскими, врачами, священниками. Клаус Зелингер до встречи с Мейснером был одним из большинства, и он был счастлив оттого, что приобщён «к чуду систематичности»: «Существуют и другие миры, но я держусь того, который устойчив» [14, с. 75]. И тех, кто счастлив в «системе», большинство, поэтому уникальность Мейснера возвышает его над обывателями.

Но и гений Мейснер, стремящийся подчинить себе Вселенную, не свободен от власти чьей-то мистической воли: «Когда сила при мне и я чувствую, что они в моей власти, сила вдруг подчиняет меня себе и всё рушится» [12, с. 64]. Следовательно, мироздание, по Энквисту, – это иерархия, готическая вертикаль сродни христианской модели, но кто управляет этой вертикалью, неизвестно даже Мейснеру. За этой концепцией стоит, очевидно, увлечение Энквиста немецкой идеалистической философией.

Атеистические суждения присущи в тексте и врачу Клаусу Зелингеру: «Сам я формально католик, но, понятное дело, религиозные вопросы меня не интересуют. У меня есть моя работа» [14, с. 72]. «Религия вышла из моды» [14, с. 118]. Этот пассаж иронически отражает тенденции XX века, в котором социальная деятельность на время смогла заслонить от человека

вопросы бытийного характера. Но современные опросы показывают, что понятие Бога продолжает существовать в картине мира большинства шведов, несмотря на модернизацию общественной жизни и отделение церкви от государства. Энквист говорил, что его собственная полемика с Богом не случайна. Он вырос в религиозной семье, поэтому дистанцирование от традиции позволяло писателю самоопределиваться, не теряя из виду великого Отца, т.е. отречься от Него, чтобы обрести Его снова и найти своё место в мире.

Антагонистом гипнотизёра Мейснера в романе является друг Зелингера доктор Штайнер, который «твёрдо верит в себя и не верит ни во что сверхчеловеческое» [14, с. 77]. Вряд ли случайно Энквист использует фамилию знаменитого австрийского антропософа и трансценденталиста Рудольфа Штайнера, обыгрывая его идейную концепцию и превращая его из мистика в рационалиста. В этом видится постмодернистский тезис об относительности истины, о релятивизме трактовки любого явления. Антропософ может оказаться прагматиком, рационалист – мечтателем и теософом. Главное, по Энквисту, не то, кем ты являешься, а то, на что ты способен, сильна ли вера в себя и своё предназначение. Деятельный Мейснер остаётся в истории, созерцатель Штайнер обретает покой и тихое семейное счастье. Иными словами, нарушителю запретов уготовано величие, а человек, принимающий традиционную систему, обречён на покой. Энквист начинает с определения покоя и трактует его как «усталость и боль» [14, с. 9]. По Энквисту, покой – результат поражения, поэтому автор романтизирует мятежного гения Мейснера, который презрел покой и стал пассионарной личностью.

Концепция образа Мейснера соответствует романтической идее двоemiрия. Персонаж живёт в двух противоположных топосах: рациональном и иррациональном, и многие стремятся вслед за ним отдаться фантазиям бессознательного. Способности Мейснера пробуждают «обманщика» в каждом из тех, кто тоскует по иной судьбе. Вспомним Горького: «Честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой». Для иллюстрации этой интертекстуальной мысли в роман введён образ слепой дочери Зелингера, которую Мейснер излечивает, убеждая в том, что мир прекрасен. Слепота осмысливается художником как метафора иллюзии, «нас возвышающего обмана», который прекраснее низкой правды. Прозревшая девушка разочарована реальностью и несчастна. Стремлением к иллюзорному счастью Энквист объясняет причины популярности Мейснера. Его обман способен

вызвать к жизни «не поддающиеся контролю силы» [14, с. 169]. О гипнотизёре говорят: «Он хочет вызвать в нас восторг, самозабвение». Он приводит «к созданию произведения искусства. К экстазу. К преступлению» [14, с. 202]. За эту возможность возвыситься над реальностью толпа готова и демонизировать его, и поклоняться как идолу. Впоследствии тема тоски по сверхличности ляжет в основу романа «Парфюмер» П. Зюскинда, который, по всей видимости, был знаком с произведением Энквиста. Оба текста вызовут целый ряд подражаний: «История удивительной любви чудовища» («Ясновидец») К.Ю. Вальгрена, «Каталог Латура, или Лакей маркиза де Сада», «Застенчивый порнограф» Н. Фробениуса, «Декоратор» Т. Энгена и др. Не вызывает сомнения, что в германо-скандинавском контексте речь идёт не только об абстрактных философско-психоаналитических проблемах, но и о конкретных социально-политических, прежде всего, о природе нацизма и причинах его воздействия на массы. Отсюда такой интерес к иррационализму, к исключительным способностям, к политическим формам проявления патологии.

Фразу Мейснера: «Верьте в меня и в Силу» [14, с. 217] Энквист комментируется так: «Он найдёт для себя поприще всюду, где люди недовольны и разочарованы» [14, с. 238]. Они мечтают о возвышении и ищут выход для своего комплекса неполноценности. Толпа, которая превозносила Мейснера, с тем же экстатическим восторгом была готова растерзать его, но не из благородства побуждений, а из стремления «оплевать столь знаменитую особу» [14, с. 256], т. е. таким способом приобщиться к её величию.

В тексте Энквист использует и элементы романа испытания: Мейснер испытывает свою силу, гениальные способности, власть создаваемых им миражей. О романе испытания XVIII века Бахтин говорил, что в нём «между героем и миром нет подлинного взаимодействия: мир не способен изменить героя, он его только испытывает, и герой не воздействует на мир, не меняет его лица; выдерживая испытания, устраняя своих врагов и т. п., герой оставляет в мире все на своих местах, он не меняет социального лица мира, не перестраивает его, да и не претендует на это. Проблема взаимодействия субъекта и объекта, человека и мира в романе испытания не поставлена. Отсюда бесплодный и нетворческий характер героизма в этом романе (даже там, где изображаются исторические герои)» [19, с. 152].

Энквист предлагает уход от жанрового канона. Он привносит в него новое содержание, доказывая, что для XX века характер героизма людей типа Мейснера вполне результативный,

что личность уже способна влиять на сознание людей и трансформировать его.

Однако что в итоге? Перед нами роман с двойным содержанием – вполне в духе шведских писателей, когда речь идёт о политических вопросах. С одной стороны, теория избранности подвергается критике, так как она ведёт к историческим катастрофам, к разрыву человека с Божественным началом и утрате себя. Историческая судьба нордической Германии, близкой к Швеции по духу, – пример реализации и крушения этих идей. С другой стороны – и это также общая германо-скандинавская черта – активизируется и наделяется положительным содержанием мечта об особой роли личности в истории, о «героичности жизни», о поиске незаурядной натуры, способной возвыситься себя и дать возможность возвыситься другим. Политическую составляющую мечты авторы стараются завуалировать, настаивают лишь на активном творческом поиске, на индивидуальной свободе, на разрушении стереотипов и социальных схем. Но в подтексте читается травмированное сознание, ностальгирующее по «эпохе великодержавия». По убеждению шестидесятников, Швеция на том этапе стремительно превращалась в технически совершенную, но лишённую эмоционального начала страну, в которой человеческим чувствам, фантазиям, чудесам и аномалиям больше не было места. Энквист, написавший роман в 1964 году, в финале несколько страниц посвятил публицистической критике новой идеологии, не дающей выхода за её пределы: «...если мы смогли поддаться такому человеку, как Мейснер...если у нас была в нём потребность, стало быть, что-то в нашем городе мы забыли построить» [14, с. 279].

Это роман о силе идей, о возможности воздействовать на бессознательное в человеке. История Мейснера показала, что общество нуждается в великих героях и оно готово идти за ними, поскольку это приобщает частного человека к большой истории. Роман, таким образом, становится предостережением, когда речь идёт о политической борьбе, но он становится и утверждением, когда автор возвышает сильных героев, способных быть в оппозиции к системе, генерировать новые идеи и провоцировать эволюцию общества.

Список литературы

1. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: избранные труды / Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Новикова. М.: Аграф, 2002. 495 с.
2. Александров Н. Тет-а-тет. Беседы с европейскими писателями. М.: Б.С.Г. Пресс, 2010. 416 с.

3. Линдгрэн А. Знаменитый сыщик Калле Блюмквист / Пер. со швед. Н. Городинской-Валлениус. М.: Астрель, 2008. 188 с.
4. Тоштендаль Р. Роль социал-демократии в развитии индустриального капитализма. Конец XIX – XX в. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 16–28.
5. Högg G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2000. 692 s.
6. Lönnroth L., Göransson S. Knådan tradition: pastischen under 1960-talet; Fiktion och dokumentar – Per Olov Enquist // Den Svenska Litteraturen. Medielderns litteratur. 1920–1995. Stockholm: Bonnier Alba, 1999. 320 s.
7. Яковлева А.М. Кич и художественная культура. [Электронный ресурс]. М.: Знание. Сер. Эстетика, 1990. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/k/Kitsch-3.html>.
8. Jansson H. Per Olov Enquist och det inställa uppröret. Ett författarskap i relation till svensk debatt 1961–1986. Åbo: Akademis förlag, 1987. 211 s.
9. Bredsdorff T. De svarta hålen. Om tillkomsten av ett språk i P.O. Enquist författarskap. Stockholm: Norstedts, 1991. 263 s.
10. Röster om PO Enquist. Från ABF Stockholms litteraturseminarium i november 1994. Stockholm: ABF, 1995. 72 s.
11. Andersson H.C. och Den fula ankungen. Tolkad i bild av Andrzej Płoski med inledning av P.O. Enquist. Lund: Bokförlaget Doxa AB, 1994. 92 s.
12. Ekselius E. Andas fram mitt ansikte. Om den mytiska och djuppsykologiska strukturen hos Per Olov Enquist. Stockholm / Stehag: Brutus Östlings Bokförlag Symposion, 1996. 415 s.
13. Enquist P.O. Magnetisörens femte vinter. Stockholm: Norstedts Pocket, 2009. 232 s.
14. Энkvист П.У. Пятая зима магнетизёра. Низверженный ангел / Пер. со швед. Ю. Яхниной и А. Афиногеновой. М.: Иностранка, БСГПРЕСС, 2001. 365 с.
15. Месмеризм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/месмеризм/БСЭ/> Месмеризм.
16. Иванов Вяч. Вс. Жанры исторического повествования и место романа с ключом в русской советской прозе 1920–1930-х годов; Соотношение исторической прозы и документального романа с ключом: «Сумасшедший корабль» Ольги Форш и её «Современники» // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М. С. 596–613.
17. Ekman H.G. Humor, grotesk och pikaesk. Studier i Lars Ahlins realism. Uppsala: Bo Cavefors Bokförlag, 1975. 240 s.
18. Миленко В.Д. Пикареска в русской прозе 20–30-х годов XX века: генезис, проблематика, поэтика. [Электронный ресурс]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2007. Режим доступа: <http://vikamilenko.narod.ru/stati/avtoreferat/>.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
20. Пахсарьян Н.Т. Пародия, травестия, пастиш в жанровой эволюции романа от барокко к рококо [Электронный ресурс] // Пародия в русской и зарубежной литературе. Смоленск: Смолен. пед. ун-т, 1997. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/pakhsaryan-97a.htm>.
21. Чекалов К.А. Формирование массовой литературы во Франции. XVII – первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 248 с.
22. Аверинцев С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 104–116.
23. Алташина В.Д., Лукьянец И.В., Полубояринова Л.Н., Чамеев А.А. Зарубежная литература и культура эпохи Просвещения. М.: Академия, 2010. 240 с.
24. Пинский Л. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М.: РГГУ, 2002. 829 с.

**MARGINAL HERO IN THE NOVEL WITH A KEY
«THE MAGNETIST'S FIFTH WINTER» BY P.O. ENQUIST**

D.V. Koblenkova

Swedish prose of the 1960s keenly reflects the changing social system at the time. The authors seek the antithesis of this new ideology in the Baroque era via the «adventure» histories of France, Austria, and Germany. The article examines the stylistic features of novels by P.O. Enquist, who worked closely with elements of the postmodern historical novel, picaresque novel, social novel, and *Roman à clef*. The article analyses his prose in relation to the social and psychological issues relevant in Swedish literature of the time.

Keywords: Swedish fiction, historical novel, postmodernism, picaresque, novel with a test, novel with a key, marginality.

References

1. Tynjanov Ju.N. Literaturnaja jevoljucija: izbrannye trudy / Sost., vstup. st., komment. V.I. Novikova. М.: Agraf, 2002. 495 s.
2. Aleksandrov N. Tet-a-tet. Besedy s evro-pejskimi pisateljami. М.: B.S.G. Press, 2010. 416 s.
3. Lindgren A. Znamenitij syshhik Kalle Bljumkvist / Per. so shved. N. Gorodinskoj-Vallenius. М.: Astrel', 2008. 188 s.
4. Toshtendal' R. Rol' social-demokratii v razvitii industrial'nogo kapitalizma. Konec XIX – NN v. // Novaja i novejsaja istorija. 1997. № 2. S. 16–28.

5. Högg G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm: Wahlström&Widstrand, 2000. 692 s.
6. Lönnroth L., Göransson S. Knådan tradition: pastischen under 1960-talet; Fiktion och dokumentar – Per Olov Enquist // Den Svenska Litteraturen. Mediielderns litteratur. 1920–1995. Stockholm: Bonnier Alba, 1999. 320 s.
7. Jakovleva A.M. Kich i hudozhestvennaja kul'tura. [Jelektronnyj resurs]. M.: Znanie. Ser. Jestetika, 1990. Rezhim dostupa: <http://ec-dejavu.ru/k/Kitsch-3.html>.
8. Jansson H. Per Olov Enquist och det inställa upproret. Ett författarskap i relation till svensk debatt 1961–1986. Åbo: Akademis förlag, 1987. 211 s.
9. Bredsdorff T. De svarta hålen. Om tillkomsten av ett språk i P.O. Enquist författarskap. Stockholm: Norstedts, 1991. 263 s.
10. Röstet om PO Enquist. Från ABF Stockholms litteraturseminarium i november 1994. Stockholm: ABF, 1995. 72 s.
11. Anderssen H.C. och Den fula ankungen. Tolkad i bild av Andrzej Płoski med inledning av P.O. Enquist. Lund: Bokförlaget Doxa AB, 1994. 92 s.
12. Ekselius E. Andas fram mitt ansikte. Om den mytiska och djuppsykologiska strukturen hos Per Olov Enquist. Stockholm / Stehag: Brutus Östlings Bokförlag Symposion, 1996. 415 s.
13. Enquist P.O. Magnetisörens femte vinter. Stockholm: Norstedts Pocket, 2009. 232 s.
14. Jenkvist P.U. Pjataja zima magnetizjora. Niz-verzhennyj angel / Per. so shved. Ju. Jahninoj i A. Afinogenovoj. M.: Inostranka, BSGPRESS, 2001. 365 s.
15. Mesmerizm [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://slovari.yandex.ru/mesmerizm/BSJe/Mesmerizm>.
16. Ivanov Vjach. Vs. Zhanry istoricheskogo povestvovanija i mesto romana s kljuchom v russkoj sovetskoj proze 1920–1930-h godov; Sootnoshenie istoricheskogo prozy i dokumental'nogo romana s kljuchom: «Sumasshedshij korabl'» Ol'gi Forsh i ejo «Sovremenniki» // Ivanov Vjach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. II. Stat'i o russkoj literature. M. S. 596–613.
17. Ekman H.G. Humor, grotesk och pikaresk. Studier i Lars Ahlins realism. Uppsala: Bo Cavefors Bokförlag, 1975. 240 s.
18. Milenko V.D. Pikareska v russkoj proze 20–30-h godov HH veka: genezis, problematika, poetika. [Jelektronnyj resurs]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Simferopol', 2007. Rezhim dostupa: <http://vikamilenko.narod.ru/stati/avtoreferat/>.
19. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
20. Pahsar'jan N.T. Parodija, travestija, pastish v zhanrovoj jevoljucii romana ot barokko k rokoko [Jelektronnyj resurs] // Parodija v russkoj i zarubezhnoj literature. Smolensk: Smolen. ped. un-t, 1997. Rezhim dostupa: <http://www.philology.ru/lite-rature3/pakhsa-ryan-97a.htm>.
21. Chekalov K.A. Formirovanie massovoj literatury vo Francii. XVII – pervaja tret' XVIII veka. M.: IMLI RAN, 2008. 248 s.
22. Averincev S. Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizacii // Istoricheskaja poetika. Itogi i perspektivy izuchenija. M., 1986. S. 104–116.
23. Altashina V.D., Luk'janec I.V., Polubojarino- va L.N., Chameev A.A. Zarubezhnaja literatura i kul'tura jepohi Prosveshhenija. M.: Akademija, 2010. 240 s.
24. Pinskij L. Renessans. Barokko. Prosveshhenie. M.: RGGU, 2002. 829 s.